

Увидев, что Тан Цюци медлит, он раздражённо сказал:

— Быстрее! Дорога вниз сложная, если вы упадёте с утёса, то не найдёте места и для погребения!

Тан Цюци на мгновение заколебался, но, услышав такие слова, медленно переложил Тан Ханьюя себе на спину.

Спина его отяжелела. Он выпрямил колени, придерживая ноги Тан Ханьюя, и понёс его вниз по склону.

Янь Уюй, держа факел, шёл впереди, прокладывая путь, и бормотал:

— Идите медленнее, смотрите под ноги. Рядом бездна, одно неверное движение — и вы разобьётесь вдребезги.

Е Чанцзянь ответил:

— Знаю, знаю. Ты лучше следи за огнём, ночью ветер сильный, не дай ему погаснуть.

Едва он закончил говорить, как подул холодный ветер, и с шипением пламя погасло.

Ворон сел на ветку, торчащую из утёса, и громко каркнул: «Кар-кар!»

Янь Уюй: ...

Тан Цюци: ...

Е Чанцзянь: ...

Тан Цюци почесал подбородок:

— Гу Няньцин, ты что, реинкарнация ворона?

На крутом утёсе стояла кромешная тьма. Трое плотно прижались друг к другу. Янь Уюй и Тан Цюци, ощупывая стены, шли впереди и сзади, защищая Е Чанцзяня и Тан Ханьюя, и осторожно продвигались вперёд.

Внезапно поднялся сильный ветер, загрохотал гром, сверкнули молнии. Раздался оглушительный треск прямо над ухом, и в мгновение ока хлынул ливень. Крупные капли болезненно били по лицам, дорога превратилась в грязь, а песок и камешки с шуршанием скатывались вниз по потоку воды.

Тан Ханьюй, испугавшийся днём при падении в воду, к ночи заболел лихорадкой. Если он промокнет под дождём, это будет для него губительным. Тан Цюци понимал это, поэтому тут же снял верхнюю одежду и накрыл ею Тан Ханьюя, тщательно укрыв ему голову.

Е Чанцзянь шёл ещё осторожнее, изо всех сил удерживая Тан Ханьюя, и не переставая ворчать:

— Ну вот, ещё и несчастье на несчастье! Малыш, ты точно проклят. Эх, только не умирай, а то Тан Цзянли меня точно прикончит. Где мне ему кузена найти? Может, схватить какого-нибудь нищего на дороге и подменить вас, поменяв лица?

Янь Уюй заметил:

— Юаньсы, твоему языку я действительно завидую!

Е Чанцзянь подумал, что вовсе не шутит. Он действительно знал, как использовать искусство смены лица. Если Тан Ханьюй продолжит их раздражать, он не ручается, что не совершит чего-нибудь ужасного.

Холодные капли пробивались сквозь одежду и попадали на голову Тан Ханьюя, отчего его раскалённый мозг на мгновение прояснился. Он качался на спине, не видя лиц, но слыша голоса, и понял, что его несёт его заклятый враг — Гу Няньцин. В сердце вспыхнули гнев и стыд. «Кто это меня в воду толкнул, а теперь притворяется благодетелем?» Преисполнившись решимости, он начал изо всех сил вырываться и кричать:

— Пусти меня! Не нужно, чтобы ты меня нёс! Пусти!

Утёс был крут, а дорога — скользка. На узкой тропе такое поведение было недопустимым, тем более его внезапное движение застало Е Чанцзяня врасплох. Тот поскользнулся, и оба полетели вниз.

Янь Уюй ахнул, сразу же бросился на землю вместе с Тан Цюци и крикнул в пропасть:

— Юаньсы! Тан Ханьюй!

Со скалы донёлся голос Е Чанцзяня:

— Сначала вытащите этого негодника!

Янь Уюй выглянул вниз. Оба держались за ветку, торчащую из скалы; она была тонкой, скрипела и вот-вот должна была обломиться.

Янь Уюй обернулся к Тан Цюци:

— Держи меня.

Сказав это, он изо всех сил потянулся к Тан Ханьюю, и они в спешке вытащили его наверх. Когда же попытались поднять Е Чанцзяня, раздался сухой треск. Янь Уюй мысленно вскричал:

— Плохо!

Вслед за этим раздался громкий и пронзительный крик Е Чанцзяня.

— А-а-а-а!

Лицо Янь Уюя мгновенно побледнело, сердце замерло. Он вцепился в край утёса и заорал вниз:

— Юаньсы!

Е Чанцзянь, слыша свист ветра в ушах, подумал, что карта настигла его мгновенно. Путь вперёд был долг, и помощь ждать было неоткуда.

Место «Где некогда сияли радужные облака» было окружено мощной защитной преградой, а сила Дракона Ин была скована, поэтому он не мог туда проникнуть. Теперь ему не миновать увечья или смерти. Но в самый критический момент в его сознании внезапно возник образ Тан

Цзянли. Е Чанцзянь собрал силы и изо всей мочи закричал в небо:

— Тан Цзянли!

Раздался звон, и с небес, словно метеор, пронеслась тень.

Прежде чем он успел прищуриться, перед ним уже оказалось лицо Тан Цзянли. Падение мгновенно остановилось, и он оказался крепко прижатым к его груди.

Е Чанцзянь изумился:

— Ого, у тебя что, слух как у бога?

Лицо Тан Цзянли не выражало ни тени паники, хотя его прекрасные черты казались заледеневшими, брови были сдвинуты, а в золотистых глазах плескалась боль.

Это мучительное выражение лица было невыносимо даже для Е Чанцзяня, который всегда гордился своим бесчувствием. Он уже собрался успокоить его, но Тан Цзянли прошептал:

— В будущем...

— Что бы ты ни делал в будущем...

— Я больше никогда...

Его голос был низким и горьким, взгляд полон такой печали, словно в нём таилась бесконечная скорбь.

Е Чанцзянь наострил уши:

— Больше никогда не будешь что?

Тан Цзянли промолчал, лишь крепче обнял его и направил меч вверх.

Е Чанцзянь заметил:

— Неужели ты перестанешь меня контролировать, даже если я начну убивать и поджигать? Тан Цзянли, так нельзя, ты же будешь Патриархом, нужно проявлять авторитет лидера.

— Ты единственный, кто знает мою истинную сущность и всё ещё смеет меня контролировать. Так что продолжай в том же духе!

Тан Цзянли пробормотал:

— Лишь бы ты был цел... Лишь бы ты был цел...

Е Чанцзянь подумал, что он действительно не раз хотел убить Тан Ханьюя. Хотя тот и был виноват, но не заслуживал смерти.

В прошлой жизни он слишком идеализировал этих культиваторов, а в этой — слишком демонизировал их.

Е Чанцзянь предложил:

— Тан Цзянли, ты можешь наказать меня — заставь бегать вокруг «Где некогда сияли

радужные облака» сотню кругов, или пусть я проплыву. Я могу доплыть отсюда до «Далёких Облаков и Вод». Знаешь, у меня даже есть прозвище — Белый Дракон Волн, я плаваю очень быстро! — он говорил с гордостью.

В прошлой жизни Старец с лодкой на дикой переправе часто наказывал его, заставляя плавать вокруг всей «Ночной переправы под звон ветра». Он часто соревновался с Шэнь Моцином, Янь Учаном и Бай Есином, и неизменно побеждал.

Ответом ему стал нежный поцелуй Тан Цзянли, который он опустил ему на лоб посреди дождливой ночи.

Е Чанцзянь замер, а потом тихо вздохнул:

— Тан Цзянли, ты же собираешься стать Патриархом, как можно так безвозвратно погрузиться в мужеложство?

Пролетая над местом падения, они увидели на земле белый фонарь, тускло светившийся жёлтым светом.

Оказалось, что Тан Цзянли и Тан Жои пришли принести еду и как раз увидели эту сцену. Тан Ханьюя и остальных уже увела Тан Жои.

Е Чанцзянь заметил:

— Тан Цюци по натуре непоседлив, но талантлив; Тан Ханьюй, хотя и импульсивен, но храбр. Оба ещё молоды, из них можно сделать что-то стоящее, так что ты хорошо с ними справляешься.

Он вспомнил, как у берега Озера Чэн Тан Ханьюй, даже под угрозой смерти, отказался просить пощады.

Оба были перспективны, и Клан Танмэнь не останется без наследников.

В прошлой жизни он умер слишком рано, и если у него и было сожаление, так это то, что он не смог продолжить дело Старца с лодкой на дикой переправе и прославить «Ночную переправу под звон ветра».

Тан Цзянли на мече направился к «Бамбуковому двору «Звучащая цитра»».

Е Чанцзянь вдруг сказал:

— Тан Цзянли, я тебе кое-что скажу, только не ругай меня.

— О чём?

Тан Цзянли начал снижаться.

Е Чанцзянь признался:

— Похоже, я сломал кость. — На его лице не было ни тени беспокойства, лишь лёгкая улыбка.

Когда они падали, Е Чанцзянь в последний момент изо всех сил ухватился за Тан Ханьюя, чтобы спасти его, из-за чего его правая рука вывихнулась.

Только теперь Тан Цзянли взгляделся в него. Правая рука Е Чанцзяня безвольно свисала, предплечье и плечо находились под неестественным углом — явный вывих.

Тан Цзянли прекрасно знал, как невыносима боль от перелома, но на лице этого человека не было и намёка на страдания.

Лицо Тан Цзянли стало похоже на вечный лёд. Он взял его на руки, пнул дверь «Бамбукового двора» и бережно уложил на кровать, тихо сказав:

— Я вправлю кость, потерпи.

— Хорошо.

Хрусть

— А-а-ах!

<http://bllate.org/book/16478/1496962>